

А.А. Голосеева
(Москва)

РУССКАЯ СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА И ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В СТРУКТУРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Традиционно в социологии принято особо подчеркивать объективность и научную «остраненность» исследователя по отношению к предмету его изучения. Представители самых разных школ и направлений в теоретической социологии, придерживавшиеся порой диаметрально противоположных точек зрения относительно природы социальной реальности и методологии социальных наук, были солидарны в одном: задача ученого-социолога — установление «объективных» закономерностей, причинно-следственных связей и т.д., оценочные же суждения с его стороны не допустимы. Даже М. Вебер при всех его симпатиях к Баденской школе неокантианства выступал за аксиологическую нейтральность социальных наук, о чем свидетельствует его знаменитое различие между «оценочным суждением» и «отнесением к ценностям». По его мнению, использование оценочных суждений чревато превращением социальной теории в инструмент пропаганды политических концепций, ориентированный не на научное познание, а на достижение практических целей. Именно поэтому, полагал М. Вебер, людям науки следует воздерживаться от высказывания оценочных суждений субъективного характера [1].

С момента появления социологии как науки, субъективные оценки социальных явлений считались уделом здравого смысла и как таковые противопоставлялись точным, непредвзятым, обоснованным научным выводам. Идея родоначальника науки об обществе, О. Конта, о необходимости введения в методный арсенал социологии субъективного метода не нашла поддержки и не имела последователей в среде западноевропейских и североамериканских теоретиков.

Несколько иная судьба ожидала контовскую идею субъективного метода в России, где социально-политические условия, сопутствовавшие возникновению и развитию теоретической социологии, отличались от европейских. Будучи тесно связанной с разного рода оппозиционными социальными движениями, российская социология второй половины XIX — начала XX вв. выработала свой идеал ученого-социолога — не стороннего наблюдателя, изучающего социальные факты как вещи, а нравственно развитую личность, занимающую активную гражданскую позицию и переживающую за судьбы других людей. Контовская идея дополнения выводов, полученных объективными методами, результатами применения метода субъективного (оценочного) оказалась востребованной и получила дальнейшее развитие в рамках русской субъективной, или, как ее еще называли, этико-социологической, школы, объединившей таких видных российских социологов и социальных мыслителей, как П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, Н.И. Кареев, В.М. Чернов.

Первым о необходимости применения в социальных науках «субъективного метода мышления» заговорил П.Л. Лавров в статье «Задачи позитивизма и их решение» (1868 г.). Подробно проанализировав учение О. Конта, он задался вопросом: «Где искать в позитивизме практических мотивов действия, где искать его определения лучшего, полезнейшего, должного?» [2, с. 135]. Соб-

ственно в теории родоначальника социологии, констатировал российский мыслитель, есть место лишь для классификации фактов и явлений в их генезисе при их абсолютно нейтральной оценке, и эта безоценочность его не удовлетворяла. Если естественные науки могут быть выделены из жизни и восприниматься отвлеченно, то науки общественные никак не могут быть исключены из нее, так как они и «есть сама жизнь, с ее желаниями, волнениями, наслаждениями и страданиями» [2, с. 135], поэтому именно в социологии должно найтись место оценке фактов и явлений: «Если жизненные побуждения должного, лучшего, достойнейшего, полезного, справедливого суть факты, то почему не отыскивать для них законы, как и для других фактов, именно в той форме, в которой мы их воспринимаем — как поставление целей, нас волнующих?» Согласно ли с основами позитивизма смотреть на факты как на объективные явления, когда они имеют субъективное значение?» [2, с. 136].

По мнению Лаврова, Конт сам почувствовал отмеченный им недостаток позитивного мышления и попытался исправить его с помощью субъективного метода, описание которого можно найти на страницах «Системы позитивной политики». Действительно, в этом труде нашли свое отражение новые идеи, возникшие у Конта во второй половине 1840-х годов и до некоторой степени противоречившие его более ранним построениям. В частности, речь идет об утверждении, что синтез наук объективно ведет к социологии, науке о человечестве, а сама социология служит единственным субъективным принципом, соотносящимся с человечеством.

Опираясь на аргументацию Конта и собственные рассуждения, Лавров делает вывод о необходимости научного применения в социологических исследованиях субъективного метода, после чего переходит к рассмотрению возможностей его употребления в

этике, социологии и политике. Объективными элементами той части реальности, которая попадает в сферу изучения данных наук, являются действие личности, общественные формы и исторические события. Они подлежат объективному описанию и классификации. Однако, чтобы *понять* их, надо рассмотреть *цели*, для которых действия личности составляют лишь средства. Цель Лавров трактует как «нечто желаемое, приятное, полезное, должное. Все эти категории чисто субъективны, но, в то же время, доступны всем личностям. Следовательно, входя в исследование, эти явления принуждают употреблять субъективный метод и, в то же время, позволяют это сделать весьма научно» [2, с. 137], поскольку исследователю доступно сознание свободной постановки целей и свободного выбора между побуждениями и целями. Отсюда вытекает необходимость в классификации побуждений, целей и действий как нравственно-лучших и нравственно-худших. Такая классификация неизбежно будет субъективной, так как сознание нравственно-лучшего и худшего доступно только отдельным личностям: «В субъективном чувстве нравственная оценка есть высшая, эта классификация устанавливается нравственным судом. Но, будучи элементом субъективным, этот суд, чтобы быть рациональным, не может ставить себе какого-либо объективного, неподвижного критерия. Критерий нравственного суда должен быть субъективен, но в то же время всеобщ, то есть одинаково доступен каждому человеку в отдельности» [2, с. 151].

Четкого определения того, что есть нравственное или безнравственное, Лавров не дает. Он лишь предлагает критерий оценки нравственности, который, будучи элементом развития, и сам способен изменяться: «Опираясь на предыдущую ступень мышления, этот критерий, отождествляясь с нравственным достоинством личности, должен обуславливать общественную связь, осмысли-

вая ее, обращая культуру общества в цивилизацию» [2, с. 151]. Субъективный и всеобщий нравственный идеал развивается в личности по мере ее собственного развития и в итоге становится основополагающим фактором, регулирующим человеческое поведение. Этот идеал в форме справедливости обращается в высшее нравственное обязательство для личности, связывает отдельные личности признанием равноправия друг друга и дает культуре возможность совершенствоваться посредством установления общественных форм, все более удовлетворяющих требованиям личного достоинства и всеобщей справедливости. Итак, высшей формой нравственного идеала Лавров объявляет справедливость: «Общественные формы, таким образом, получают рациональный критерий для своей оценки. Там, где критика их возможна во имя справедливости, она есть их безусловная мера» [2, с. 151]. Кроме того, он выделяет четыре критерия субъективной оценки: удовольствие, истина, взаимная польза и справедливость. «Удовольствие, — уточняет он, — есть источник личного развития. Истина осмысливает это развитие. Взаимная польза есть источник культурной общественной связи. Нравственный суд есть осмысление общественности как справедливейшей возможной цивилизации» [2, с. 151].

Постулируя невозможность сохранения ценностного нейтралитета в гуманитарном познании, Лавров, тем не менее, пытался доказать, что применение субъективного метода позволяет получить объективное знание о предмете исследования. Более того, субъективный метод, как полагает О.Б. Леонтьева, имел и определенное прагматическое назначение, заключающееся в том, что он должен был увязать воедино исторические изыскания (изучение целей, которые люди ставили себе в прошлом, и способов, которыми они добивались достижения этих целей), социологи-

ческие исследования (изучение целей и действий современного человека) и, наконец, программу общественных преобразований [3, с. 49]. В силу всего вышесказанного, методология Лаврова выглядит не совсем убедительной.

Почти одновременно с Лавровым за разработку проблемы допустимости этических оценок в социологии взялся другой видный представитель российской социальной мысли — Н.К. Михайловский. В 1869 г. в журнале «Отечественные записки» появилась его программная статья «Что такое прогресс?», в которой он выразил солидарность с воззрениями П.Л. Лаврова и предложил свое понимание «субъективного метода». К сожалению, в этой работе отсутствовало систематизированное обоснование указанного метода. Ее автор ограничился рядом разрозненных, не собранных воедино мыслей и положений, за что его не раз упрекали критики.

Основополагающий тезис Михайловского состоит в следующем: полной объективности в научном исследовании добиться невозможно, гуманитарное знание по природе своей относительно. «Мы, к счастью или к несчастью, не доросли до объективного отношения к фактам общественной жизни, — писал он, — и субъективная точка зрения сквозит в каждой строке как наших собственных политических писателей, так и большей части тех иностранных авторов, с которыми мы до сих пор знакомы» [4, с. 15]. Претензия на объективность может только помешать именно потому, что полная объективность недостижима. Малейшее разногласие между истинными чувствами, лежащими у социолога в глубине души, его нравственным идеалом и изучаемыми фактами действительности влечет за собой применение субъективного метода, но применение неосознанное и поэтому неудовлетворительное. Кроме того, стремление к объективности чревато исключением человека как

такового (реального, способного страдать) из поля исследования. Именно поэтому Михайловский не мог согласиться со Спенсером, высказывавшимся за изучение прогрессивных явлений «независимо от отношений к нашему благоденствию». Человек, возражал он, а не общественный агрегат должен являться точкой отсчета для социолога: «Может быть, социолог не имеет, так сказать, логического права устранять из своих работ человека как он есть, со всеми его скорбями и желаниями, может быть, грозный образ страдающего человечества, соединившись с логикой вещей, мстит всякому, кто его забудет, кто не проникнется его страданиями; может быть, объективная точка зрения, обязательная для естествоиспытателя, совершенно непригодна для социологии, объект которой — человек...» [4, с. 52]. «Стремление к истине, изолированной от понятий блага, справедливости и проч., имеет в виду не единый критериум, а только односторонний» [5, стб. 715].

Необходимо оговориться, что, критикуя Спенсера за якобы полное игнорирование интересов человеческой личности, Михайловский был не вполне справедлив к нему. Хотя английский мыслитель и проводил аналогии между человеческим обществом и биологическим организмом, он, тем не менее, специально акцентировал внимание на одном существенном различии между этими агрегатами, которое заключалось в том, что в живом организме элементы существуют ради целого, в обществе — наоборот: «Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц» [6, с. 287]. Приведенные оговорки весьма

типичны для Спенсера, который неоднократно высказывался против приписывания ему (хотя он сам же давал для этого достаточные основания) идеи полного тождества общества и организма. Если у Конта социальное целое предшествует индивиду и последний не является даже самостоятельной ячейкой общества, то Спенсер, напротив, считал недопустимым растворение индивида в социальном организме [7, с. 26–27].

Михайловский отмечал, что бессилие объективного метода в социологии, когда на первый план выступают личные симпатии позитивистов, можно наблюдать у Конта: «Конт недаром предостерегал своих учеников, чтобы они не вмешивались в политическое движение, “которое должно для них, главным образом, служить предметом наблюдения”; что не мешало ему тут же громить политический индифферентизм современных представителей науки, “поистине чудовищный”» [4, с. 71]. Особенно невозможна объективность при оценке политических фактов: «В области явлений общественной жизни наблюдение до такой степени связано с нравственной оценкой, что “не восхищаться политическими фактами и не осуждать их” можно только не понимая их значения» [4, с. 66]. Таким образом, в социологии «предвзятое мнение неизбежно осложняется нравственным элементом»: исследователь вольно или невольно применяет субъективный метод всякий раз, когда обнаруживает расхождение между собственным нравственным идеалом и фактами изучаемой действительности.

Как и Лавров, Михайловский тоже отстаивал телеологический принцип в социологическом исследовании. Для него способность человека ставить себе те или иные цели (трактуемые как нечто желательное), стремиться к собственному идеалу является такой же неотъемлемой частью его личности, как и способность страдать и наслаждаться. Поэтому данная способность долж-

на входить непременно и важнейшим компонентом в социологию как науку об общественных отношениях. В статье «Граф Бисмарк»¹ Михайловский следующим образом подтверждает свою мысль об объективности телеологического принципа: «Сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата» [8, стб. 101]. Следовательно, главная ошибка Спенсера (и других позитивистов) связана «с устранением из социологических исследований телеологического элемента» [4, с. 52], который, являясь неотъемлемым свойством человека, составляет объективный факт общественной жизни. Требуя от ученого объективности и непредвзятости, Спенсер сам оказывается не в состоянии соблюсти свои же принципы и, говоря о конкретных вещах, сам же указывает на «желательное, ставит некоторый идеал» [4, с. 53], т.е. вводит субъективный и телеологический элементы.

Поскольку цели людей субъективны, то изучить их исключительно при помощи объективных методов невозможно. Для их адекватного изучения необходим иной метод — субъективный. И так же, как неправилен субъективный метод в изучении природы, неправилен один только объективный метод в изучении общественных отношений. Задача же субъективного метода заключается в создании идеала на основе сочувственного опыта и в оценке всех общественных явлений с точки зрения этого идеала.

Решая вопрос относительно того, как использовать субъективный метод, Михайловский в очередной раз ссылается на «свойство» человека, отличающее его от животного, — на присущую ему способность не только переживать, но и *сопереживать* себе подобным: «Мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым

---

¹ Впервые была опубликована во втором номере «Отечественных записок» за 1871 г.

объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т.е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, почувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами» [4, с. 53]. В одной из своих более поздних статей из цикла «Записки профана» — «Об истине, совершенстве и других скучных вещах»² — он даст определение субъективного метода как метода, основанного на сопереживании: «Субъективным методом называется такой способ удовлетворения познавательной потребности, когда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого». А это значит, что «при объяснении действий людей мы должны представить себе их мысли и чувства в форме собственных мыслей и чувств. И, следовательно, в этой области субъективный метод законен и неизбежен» [9, с. 152–153].

Подытоживая свою работу о прогрессе, Михайловский писал, что из его слов не надо делать вывод о необходимости полного устранения объективного метода из области социологических исследований. Достаточно всего лишь осознать приоритет субъективного метода по отношению к методу объективному. В статье «Аналогический метод в общественной науке» он ясно высказывается за сочетание в социологическом исследовании обоих методов: «Нравственное значит желательное, естественное значит необходимое, — это две различные категории. Человек обязан сочетать их для себя» [10, стб. 390].

Если оценивать историческое значение субъективного метода в социологии, задаваясь целью выяснить не то, что он не дал для подлинно научного понимания соотношений между объективным и субъективным факторами, а то, что нового он внес в этом отношении в социологическую теорию классического периода, то нельзя будет не согласиться с выводом А.А. Галактионова и

² Впервые была опубликована в третьем номере «Отечественных записок» за 1875 г.

П.Ф. Никандрова: «Перед субъективным методом его создатели — Лавров и Михайловский — ставили задачу: найти такую форму выражения и регулирования различных, неизбежно субъективных взглядов, в которой бы они по возможности не противоречили объективному процессу, а вместе с тем были бы свободны от предвзятости, произвола и фальсификации» [11, с. 493—494]. Теоретическую основу подхода Михайловского составляли принцип нравственности, идея сопереживания, т.е. вневременные и абстрактные категории. Он пытался теоретически обосновать не интересы класса, а интересы угнетенного человечества — угнетенного экономически, социально и политически. Нужно «только заботиться о том, — уточнял российский публицист и социальный мыслитель, — чтобы предвзятое мнение получило характер рациональной теории... нечего маскироваться объективностью, а должно выяснить без остатка свою личность, дать себе полный отчет в своих желаниях, побуждениях и целях. Претензия на объективность может здесь только привести к сбивчивости именно потому, что полная объективность недостижима. Малейшее разногласие между истинными, в глубине души лежащими чувствами социолога, его истинным нравственным идеалом и обсуждаемыми им фактами действительности — поведет все-таки к открытому применению субъективного метода, но применению неудовлетворительному, кастрированному» [4, с. 132].

В заключение хочется еще раз подчеркнуть актуальность изучения наследия русских субъективистов в наши дни. Ограниченность современных подходов к изучению социальной реальности проявляется, на наш взгляд, в том, что его сторонники настаивают на абсолютном равенстве любых субъективных высказываний, что приводит к девальвации онтологического значения общественно-важного мнения. И именно методология субъективи-

стов, предполагающая наличие этической позиции исследователя, может помочь преодолеть такого рода ограниченность и дать более ясное и четкое толкование многих нынешних социальных явлений, в первую очередь, наблюдаемых в российском обществе.

Литература

1. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547–601.
2. Лавров П.[Л.] Задачи позитивизма и их решение // Современное обозрение. 1868. Т. 2. № 5.
3. Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004.
4. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Михайловский Н.К. Герои и толпа: избранные труды по социологии в двух томах. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 1.
5. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. X.
6. Спенсер Г. Сочинения. СПб., 1898. Т. IV: Основания социологии.
7. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
8. Михайловский Н.К. Граф Бисмарк // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. VI.
9. Михайловский Н.К. Об истине, совершенстве и других скучных вещах // Сочинения Н.К. Михайловского. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1881. Т. III.
10. Михайловский Н.К. Аналогический метод в общественной науке // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1897. Т. I.
11. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI–XIX веков. Л., 1970.